

эпохи само по себе представляет интерес, хотя и нуждается в дальнейшей разработке и уточнениях. Однако этот вопрос все не был академическим для переводчиков первой трети XVIII в., потому что занятая ими стилистическая позиция внесла существенные коррективы в теорию и практику перевода.

Во второй половине XVII в. в России существовали две концепции перевода, представлявшие крайние позиции. С одной стороны, это была теория пословного перевода. В конце века ее теоретически обосновал и яростно защищал крупный практик и незаурядный филолог Евфимий Чудовский, подчеркивая, «яко подобает истинно преводити... от слова до слова и ничто разума и речений многотрудноумышленных святыми отцы пременяя».³² Противоположная теория перевода, синтетическая (по терминологии С. Матхаузеровой), лучше всего выражена Симеоном Полоцким в «Жезле правления» (1667): «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум и речение преводит неложно, ничесо же оставляя» (с. 53). Таким образом, «Симеон Полоцкий требует, чтобы „речение и разум были переведены“ и ничего не было оставлено, в то время как Евфимий требует, чтобы „речение и разум не были переменены“» (там же).

Концепция Симеона Полоцкого, ориентированная на взгляды классических авторов и теоретиков Возрождения, «наиболее соответствовала... общественным тенденциям и культурным требованиям» (с. 54). Но по ряду обстоятельств на Московском Печатном дворе, который до начала XVIII в. был законодателем официальных литературных вкусов, возобладала теория «от слова до слова». Несколько позднее она и здесь подверглась критике. Директор Печатного двора Ф. Поликарпов в 1723 г. говорил об одной книге Епифания Славинецкого, учителя Евфимия Чудовского, что она «преведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмом и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают».³³

На какую из двух концепций, выработанных для перевода богословских трудов, могли ориентироваться переводчики «политичных дискурсов» в первой четверти XVIII в.? Очевидно, что концепция Симеона Полоцкого, опирающаяся на Цицерона (*De optimo genere oratorum*, 14),³⁴ больше импонировала духу их деятельности, чем жесткая теория Евфимия Чудовского. Однако при сложившейся в переводной литературе первой трети XVIII в. стилистической ситуации последовательное проведение обеих концепций давало бы в результате перевод стилистически певра-

³² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова, с. 42 (далее ссылки на эту книгу в тексте).

³³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 289.

³⁴ См.: Цицерон Марк Туллий. О наилучшем роде ораторов / Пер. П. Черняев. — Гимназия, 1895, № 6—7, с. 354; Цицерон Марк Туллий. Полн. собр. речей в русском переводе / Ред., введение и примечания Ф. Зелинского. СПб., 1901, т. 1, с. LXII.